

---

---

# ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

В.И. Полищук

---

## ТРИ ОТВЕТА НА ВОПРОС О ЧЕЛОВЕКА

---

***Аннотация:** предлагается авторский взгляд на различные решения проблемы человека в истории культуры. Данная проблема формулируется как вопрос о том, что делает человека человеком. Выделяются три основных ответа на поставленный вопрос: человек становится самим собой, лишь возвышаясь над мирскими привязанностями, либо стремясь познать окружающий мир, либо познавая самого себя. Очевидно, что современная (научно-техническая) цивилизация — это второй ответ на вопрос о человеке. Он губителен и для природы, и для самого человека. Многие мыслители прошлого указывали на эффективность третьего ответа, в котором видели возможность спасения культуры.*

***Ключевые слова:** психология, человек, культура, разум, становление, дух, истина, трансцендентное, имманентное, выбор.*

Одной из особенностей вида человек является его самосозидание, представленное в культуре, ставшей настолько естественной для современного человека, что и мыслит, и чувствует за него. Культура предоставляет ему возможность совершать действия или принимать решения, не обременяя себя вопросами об их смысле и конечной цели. Современный человек — это уже не привычный для нас *homo sapiens*, а *homo cultures*. Культура как вид бытия человека стала и показателем его разума, и самим разумом. Но по-прежнему стоит перед ним вопрос о необходимости усилий для сохранения себя в качестве человека, и они всегда у него находятся. Человек — избыточное существо по определению, что обусловлено его способностями, и готовностью создавать свой собственный вид. Но значение имеет ещё и то, на что направлены эти усилия.

Вопрос об их направленности во многом зависел от того, как определялся человек в философии культуры, в чём виделась его сущность. Например, в древней индийской, греческой, китайской философии, в русском космизме он понимался как «микрокосм», как образ и символ Вселенной. Земная жизнь человека с её тяготами и заботами воспринималась как обособление и утрата целостности, его космического предназначения. Обособленная человеческая жизнь приводит к потере первоначального — вселенского — образа, поскольку сама Вселенная или «макрокосм» понималась как живой организм, как прачеловек. А человек, утративший свой исходный образ, становится одним из элементов Вселенной и попадает в их бесконечный круговорот. Следовательно, чтобы сохранить себя в качестве человека, необходимо помнить

о своём космическом предназначении, об исходной связи с Вселенной, хранить её и восстанавливать, если она по каким-то причинам обрывалась.

Существовали и менее общие представления о человеке и о месте его в бытии. Их можно назвать направлениями самосознания человека в истории и философии культуры. Известный немецкий философ и антрополог Макс Шелер в работе «Человек и история» выделил пять таких направлений, господствовавших в культурологии Запада. К ним он относил: теистическое представление о человеке в иудаизме и христианстве, античную концепцию «человека разумного», идущую от Аристотеля и дошедшую до Канта и Гегеля, и натуралистическое, позитивистское, прагматистское направление (выразившееся, в том числе, в психологии инстинктов и в теории влечений), к которому Шелер причислял и себя, обозначая его формулой «*homo faber*» («человек деятельный»). Представители данного направления, вслед за О. Контом, рассматривают человеческий разум как технический инструмент. Кроме того, М. Шелер выделял нетрадиционное представление о человеке как существе, утратившем ощущение подлинной жизни, как о слабом и немощном создании, тупиковом пути развития живых организмов (Т. Лессинг, А. Кёстлер), а также возвышенную концепцию человека, основанную на ницшеанской идее сверхчеловека (Д. Керлер, Н. Гартман)<sup>1</sup>.

Необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX вв. учёные стремились найти сходство человека

---

<sup>1</sup> См.: Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. Перцепция страха. Ежегодник. 2. М., 1991. С. 133-159.

с приматами, пчёлами, дельфинами и другими животными. Положение изменилось во второй половине XX в., когда они сосредоточились на поиске уникально человеческого. Им, как полагают некоторые исследователи, оказалось космическое чувство<sup>2</sup>.

Таким образом, была возрождена идея космического предназначения человека. Она относится к числу самых древних. В более рациональном смысле она представляет собой утверждение о том, что его призвание состоит в чём-то высоком и необычном, а не в каждодневной суетности. Действительно, во все времена находились личности, ставившие перед собой возвышенные цели. Своё земное существование они рассматривали лишь как средство для достижения таких целей. Подобные личности, а их с полным основанием можно назвать культурными героями, были источниками убеждений, что в обычной жизни человек не реализует богатство своих возможностей и, следовательно, не может состояться как человек. Об этом в истории культуры существовали различные учения, включавшие в себя представления и о человеке, и о достойных его целях. Но все они отвечали на один и тот же вопрос: **что делает человека человеком?** Впрочем, этот вопрос звучит ещё и как призыв, обращённый к человеку, тихо и настойчиво требующий от него соответствовать тому, откуда он исходит.

Можно выделить три главных ответа на этот вопрос. Выделение является условным, конечно, поскольку в истории и философии культуры они могли объединяться в тех или иных учениях, либо один и тот же ответ мог по-разному объясняться в различных концепциях. Безусловной оставалась и признавалась лишь связь человека с окружающим миром, хотя характер связи и её оценка тоже не раз служили предметом дискуссий. Но и сам по себе вопрос, и ответы на него предполагают **познание** как необходимый и естественный для человека способ его самоосуществления.

**Первый ответ** был связан с понятием трансцендентного, его можно отнести к религиозным, метафизическим или идеалистическим воззрениям. Это один из самых ранних способов решения проблемы человека, с ним связано рождение мировых религий, то есть осознание того, что существуют надмировые силы, от которых зависит и мир, и сам человек. Ему предлагалось не ограничиваться видимым и чувственным миром, а быть выше, тянуться ввысь, заглядывая за горизонт обыденной жизни. В человеке есть духовное начало или душа, но в повседневной суете и волнениях он

забывает о ней, увлекаясь телесными, чувственными желаниями и вожделениями. В результате он оказывается в плену преходящих и ложных мнений, принимая их за истину. Это приводит к разрушению и утрате образа и подобия Бога, в соответствии с которым человек был сотворён, как утверждает в христианском, например, вероучении. Оказавшись в результате своего грехопадения внутренне раздвоенным, человек всё же сохранил возможность приобщения к высшему в себе, к Богу. Для этого необходимо следовать наставлениям Иисуса Христа — олицетворённому единству Бога и человека.

Согласно такому воззрению, всё истинное, вечное и человеческое в человеке — от Бога. Но в нём есть и ложное, преходящее, низменное — от мира. Оно нередко господствует над ним, поэтому необходимы усилия для преодоления власти мирского над человеческим. Нужна борьба с соблазнами «мира сего», отказ от слишком деятельного участия в нём и воссоздание в себе исходного образа и подобия. При этом человек уподобляется Богу не только в его образе, но и в его творчестве, поскольку восстанавливает в себе и процесс созидания себя самого.

Восстановление, понимаемое и как обновление человека, является целью не только в развитых религиях. Оно предполагалось и в древних формах верований, когда ещё не было понятия единого Бога. Вообще религия (re-ligio) — это восстановление «лиги», то есть связи, союза, сообщества. В древности имелась в виду связь человека с видимым миром. Её было достаточно, наверное, пока этот мир удовлетворял его природные потребности. По мере формирования духовной культуры разрозненность верований преодолевалась, и древние пророки вещали о необходимости веры в единого — без определённого образа — Бога. Лишь такая вера, полагали они, сможет восстановить в человеке его первоначальный образ.

Данный способ решения проблемы человека развивался не только в религиозных, но и в философских учениях, которые принято называть идеалистическими или метафизическими. В отличие от религиозных, где основным значением наделялась вера, философские учения представляли собой целые системы знаний и доказательств. Их усвоение предполагало интеллектуальные усилия человека. Вместе с тем, в философии данного направления, особенно в древней, выдвигалось требование и к образу жизни человека. Он должен был соответствовать понятию или идее человека, благоприятствовать и усилиям его разума, и чистоте помыслов, и возвышенности мыслей. В таком требовании нет ничего необычного. Известно, что даже простое сосредоточение или внимание нуж-

<sup>2</sup> См.: Чаликова В.А. Дети, «примитивы» и культура участия // Социокультурные утопии XX в.: Реф. сб. / ИНИОН АН СССР. М., 1983. Вып. 2. С. 130-166.

дается в определённых усилиях, а окружение, в том числе и образ жизни, им может способствовать или препятствовать. В философии предполагается, что в достижении высшей цели необходимо усвоение определённых понятий — универсалий. У Гераклита был «логос», у пифагорейцев — «мудрость» или «число», у элеатов — «сущее», у Платона и платоников — «благо» или «мир идей», у неоплатоников — «сверхсущее единое — благо», у Гегеля — «абсолютный дух».

Особое место в истории обращения человека к трансцендентному объекту занимает русская религиозная философия культуры конца XIX — начала XX вв. Её представители называли свои исследования «духовным делом» (И.А. Ильин). В.С. Соловьёв, как один из основоположников религиозной философии, разрабатывал темы космического и социального начал в человеке. Их гармонии должен служить принцип «всеединства» и религиозно-поэтическое учение о Софии (Мудрости). С ней у философа связано учение о Богочеловечестве. Близки к этим идеям концепции Н.Ф. Фёдорова и К.Э. Циолковского, послужившие истоком философии Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, С.Н. и Е.Н. Трубецких.

**Второй ответ** противоположен первому, поскольку обращает сознание человека к миру, в котором он живёт. Его можно назвать научным, материалистическим, а в применении к обществу — социотехническим. Здесь речь идёт об имманентном объекте, с присущими ему чисто природными, физическими свойствами. К числу таких объектов относится и человек как часть природы и зависимый от неё продукт. Необходимо познавать природу, окружающий мир, чтобы ослабить или вовсе устранить свою зависимость от него, чтобы состояться, тем самым, в качестве человека.

Вообще в рамках данного ответа человек всегда понимался как результат влияния на него природных или социальных условий и обстоятельств. Их, следовательно, необходимо изменить, что и сделает его собственно человеком. Решение проблемы здесь предполагает два этапа: познание объективных закономерностей природы и общества, единых по своей сути, а затем, на основе познания, преобразование и природы, и общества, устранение стихийности в них с последующим контролем и управлением. Деятельность по изменению природы и общества, то есть практика, будет в итоге осуществляться на основе всеобщих законов бытия, что в перспективе должно обеспечить единство и гармонию человека и преобразованной природы.

Такое решение проблемы напоминает древнее представление о космической сущности человека. Но в древности предполагалось, что эта сущность может быть обнаружена и понята на пути внутреннего пре-

ображения человека. Более поздние учения основаны на убеждении, что его сущность проявит себя в полной мере лишь на пути внешних преобразований. Посредством просвещения, то есть усвоения истинных, а не иллюзорных знаний о мире, отдельный человек, в том числе и человечество в целом, изменяя природу и общество, преодолет свое отчуждённое и разобщённое состояние. Тем самым разрешится извечное противоречие между индивидуальной ограниченностью отдельного человека и его родовой сущностью, установятся равенство и справедливость в отношениях между людьми.

К такому ответу на вопрос о человеке относятся все проекты социальных преобразований, начиная с «Государства» Платона. К нему можно отнести и утопические учения Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона, Д. Вераса, а также мыслителей Ближнего и Среднего Востока: аль-Фараби, Низами, Ибн Туфайля, Ибн Рушда и др. В границах данного ответа находятся рационалистические проекты Мелье, Мабли и Морелли, теории социалистов-утопистов и революционных демократов. Марксистская концепция общества и путей его преобразования тоже находится в русле этих учений. Основной тезис марксизма — господство над людьми их собственных отношений и необходимость ликвидации его любыми средствами для достижения свободы каждого индивида и, следовательно, всеобщего освобождения.

**Третий ответ** можно назвать непосредственно философским. Он не отвергает оба предыдущих, отрицающих друг друга ответа. Скорее он их объединяет в самом человеке. Согласно древнему преданию, на треножнике Дельфийского оракула была надпись: «Познай себя, и ты познаешь богов и вселенную». Ни одному из основных философских направлений этот вариант решения проблемы человека прямо не соответствует. Его трудно отнести к материализму, поскольку решающей ролью в нём наделяется дух. А дух, в отличие от природных явлений, существующих по какой-то внешней причине, сам определяет своё существование. Но это не означает, что дух не нуждается в чём-то внешнем. Для самосозидания и самореализации ему необходим «материал» — нечто вещественное и видимое. Поэтому лишь условно этот ответ можно отнести к идеализму.

Ближайшим и непосредственно данным «материалом» для проявления духа служит телесность человека, в более широком смысле — образ его жизни, культура. В древности, как и в более поздние времена, сторонники подобного представления о роли духа в становлении человека попросту олицетворяли собой свои взгляды и учения. Показывая, тем самым, конечную цель в стремлении человека быть самим собой.

Без образов в познании и понимании не обойтись. Ещё Гераклит называл «образ мыслей» человека его «божеством». Не случайно в искусстве существует практика изображения таких абстрактных понятий, как свобода или мысль. Но существуют и понятия простой нравственности: честность, порядочность, человечность. Их тоже необходимо видеть, чтобы понять. Они будут пустыми словами, если в жизни не видеть людей, поступающих честно и порядочно. Можно их не замечать, или полагать, что их и вовсе нет. Обычно так и делают, для оправдания своих неблагоприятных поступков. Но ведь можно представить себе человека, который не находит в этом оправдания, а ведёт себя по-человечески даже вопреки окружающей его бесчеловечности. В особенности, если он всерьёз озабочен отсутствием в людях нравственных качеств. Сомнительно, чтобы такой человек искал подобные качества только в книгах по этике, или у литературных персонажей. Он будет искать их в себе, и представлять эти качества в своём собственном образе. Иными словами, он сам может стать олицетворением честности, порядочности, человечности, всем своим поведением и образом жизни утверждать их наличие в обществе.

«Ищи в себе то, чего не находишь в других» — один из заветов древней мудрости. А нашедший в себе — увидит найденное и в других. Нельзя, конечно, найти то, о чём не имеешь представления. Но представление о простых нормах нравственности есть, пожалуй, у каждого. Всё дело в том, как относится к ним человек. Один видит в них лишь пустые абстракции, не давая себе труда жить в соответствии с ними. У него жизнь складывается сама собой, почти без его участия. А в сравнении с каждодневными заботами и хлопотами нравственные нормы могут действительно казаться наивными и далёкими от жизни. Как живёт такой человек, так он и мыслит.

Другой же, наоборот, имея представления о должном, пытается строить в соответствии с ними свою жизнь. Как он мыслит, так и живёт. Это очень нелегко, поскольку не соответствует обычному отношению к мысли, к уму вообще. Принято полагать, что он, в сравнении с жизнью, менее значим<sup>3</sup>. Но культура в своем становлении обязана тем, кто думает иначе.

Итак, можно уповать на Господа и ожидать, что Он вразумит людей (*первый ответ*), либо заняться наукой,

создавать проекты нового общества и человека, писать умные книги, полагая, что они сделают людей умнее и добрее (*второй ответ*). Многих людей, озабоченных коллизиями современности и собственной жизни, эти ответы удовлетворяют. Они обращаются к Богу или отдают себя науке, пытаясь найти новые ценности и обрести себя на пути познания. А. Эйнштейн, например, писал о мотивах научного труда: «Душевное состояние, способствующее такому труду, подобно религиозности или влюбленности: ежедневное старание проистекает не из какого-то намерения или программы, а из непосредственной потребности»<sup>4</sup>. Как видно, оба ответа схожи друг с другом, и оба они содержат в себе соблазны слишком простых решений проблемы человека. Оба основаны на его тайном желании снять с себя ответственность за само существование этой проблемы и переложить тяжесть её решения на Бога, на науку или технику.

Современная цивилизация содержит в себе много соблазнов, в том числе и соблазн вообще не думать о её проблемах и перспективах. Однако давно сказано: «Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17:1). Бог, при всей его любви к человеку, не может потворствовать соблазну его безответственности. Соблазны есть в искусстве, в науке и в технике, но они — творения самого человека, поэтому не могут нести ответственность за его проблемы. А растущее могущество науки и техники имеет много негативных последствий, создает новые проблемы, оборачивается слабостью человеческого духа. Она проявляется, прежде всего, в том, что сама деятельность человека уже во многом неподвластна ему.

Об этом немало сегодня пишут философы, социологи, культурологи. И, разумеется, ищут решений растущих проблем. Вот один из примеров: «Выход один — начать с себя, единственная надежда — на думающую личность. Рано или поздно кризис техногенной цивилизации станет всеобщим, игнорировать его уже не удастся в силу катастрофических последствий и техногенных разрушений. Здесь личность и скажет своё слово»<sup>5</sup>. И далее автор пишет о необходимости новой морали, суть которой в отказе от проектов, угрожающих природе и культуре, в предпочтении безопасного развития росту благосостояния.

Упование на личность менее древнее, чем на богов, но более древнее, чем на науку и технику. Это, собственно, и есть философское решение проблемы человека (*третий ответ*). Почему философское? Потому, что

<sup>3</sup> Впрочем, как свидетельствует обыкновенный житейский опыт, в действительности люди ревниво относятся к своим умственным способностям. Давно замечено, что они могут жаловаться на неустроенную жизнь, на плохое здоровье, на слабую память, полагая, что не умаляют себя в глазах окружающих. Но они никогда не жалуются на слабоумие. Мало того, для них оскорбителен даже намёк на это со стороны окружающих. Даже и пробовать не стоит желать кому-то в день его рождения, к примеру, наряду с крепким здоровьем ещё и не менее крепкого ума.

<sup>4</sup> Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собр. науч. тр.: В 4-х тт. М., 1967. Т. 4. С. 41.

<sup>5</sup> Розин В.М. Техника и социальность // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 105.

философия когда-то родилась из осознания простой истины: человек сам себя должен делать человеком. И призвание его в том, чтобы сохранить себя в качестве человека, вопреки всем соблазнам культуры и цивилизации. А если он по каким-то причинам утрачивает себя, то искать его нужно только в самом себе. Опереться же ему в этом поиске опять-таки не на кого, кроме себя самого. Ведь сказано человеку: «Познай себя». И никто за него этого сделать не сможет. Примерами философского решения проблемы человека могут служить учения и жизнь Будды, Конфуция, Гераклита, Сократа, Эпикура, философов-стоиков, многих киников, Иисуса Христа, странствующих философов средневековой Европы, Руссо, Сковороды, Торо, Вл. Соловьёва, некоторых представителей экзистенциализма<sup>6</sup>.

В итоге необходимо отметить, что сравнивать друг с другом перечисленные ответы на вопрос о человеке можно по разным критериям. Один из них, может быть, наиболее предпочтителен и объективен: сохранение природы и человека. Ясно, что второй ответ, когда необходимым условием осуществления человека становится познание и преобразование окружающего мира, более всего проигрывает в этом отношении: негативные последствия научно-технического прогресса очевидны сегодня для всех. Первый ответ таит в себе меньшую опасность, но и он не так уж безобиден: лишения, страданий и смертей во имя Господне в истории религии было немало. Кажется, что наименее пагубен для человека третий путь — путь самопознания и самоосущест-

вления человека. Но это не так, поэтому лишь немногие его выбирают, неся по нему свой крест. Действительно: даже поверхностное знакомство с судьбами тех, кто шёл этим путем, свидетельствует о его трагичности.

Таким образом, драматичен путь человека к Богу, трагичен его путь к самому себе, но зато оба пути практически безвредны для природы. Они, несмотря на их тяжесть, ведут, пусть и не в равной степени, к преобразению человека. Здесь человек использует себя в качестве средства для обретения внутренней, духовной культуры.

Губителен для природы второй — цивилизованный — путь, где она используется человеком как средство построения культуры внешней, материальной. Этот путь и для человека небезопасен, и он знает об этом. Но на этом пути много соблазнов, удовольствий, неудовлетворённых желаний. Они заслоняют опасность, отодвигают её в неопределённое будущее. Человек многое делает в ущерб себе, своему здоровью. Но если он при этом получает удовольствие, то готов платить за него многим, порой даже жизнью. В массе своей человек — невольник цивилизации, поэтому ему бесполезно грозить её неминуемой гибелью. И всё же для каждого всегда остаётся возможность выбора своего пути. А если не выбирать, если совместить в себе все пути? Древние учения свидетельствуют, что такое совмещение допустимо, что это особый путь — путь меры. А мерой всего, как утверждал первый софист античности Протагор, является человек.

### Список литературы:

1. Розин В.М. Техника и социальность // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 105.
2. Чаликова В.А. Дети, «примитивы» и культура участия // Социокультурные утопии XX в.: Реф. сб. / ИНИОН АН СССР. М., 1983. Вып. 2. С. 130-166.
3. Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. Перцепция страха. Ежегодник. М., 1991. С. 133-159.
4. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собр. науч. тр.: В 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 41.

### References (transliteration):

1. Rozin V.M. Tekhnika i sotsial'nost' // Voprosy filosofii. 2005. № 5. S. 105.
2. Chalikova V.A. Deti, «primitivy» i kul'tura uchastiya // Sotsiokul'turnye utopii XX v.: Ref. sb. / INION AN SSSR. M., 1983. Vyp. 2. S. 130-166.
3. Sheler M. Chelovek i istoriya // Chelovek: obraz i sushchnost'. Pertseptsiya strakha. Ezhegodnik. M., 1991. S. 133-159.
4. Eynshteyn A. Motivyy nauchnogo issledovaniya // Sobr. nauch. tr.: V 4 t. M., 1967. T. 4. S. 41.

<sup>6</sup> В этих примерах, кстати, выражен один из аспектов действительно позитивной роли техники в судьбе человека. Техника, в широком смысле слова, — это искусство в достижении поставленной цели. Используемые средства при этом особого значения не имеют. Если человек пользуется собой в качестве средства реализации своих замыслов, то он тоже — техника. Жизнь упомянутых мыслителей была способом и средством выражения их учений. И это, пожалуй, самое поучительное в них.